

Память 13 июля (ст.стиль 30 июня)

Собор святых славных и всехвальных двенадцати Апостолов:

Петра (житие 29 июня), Андрея (4-го ноября), Иакова Зеведеева (30 апреля), Иоанна (26 сентября), Филиппа (14 ноября), Варфоломея (11 июня), Фомы (6 октября), Матфея (16 ноября), Иакова Алфеева (9 октября, Иуды (Фаддея) (19 июня), Симона Зилота (10 мая) и Матфия (9 августа)

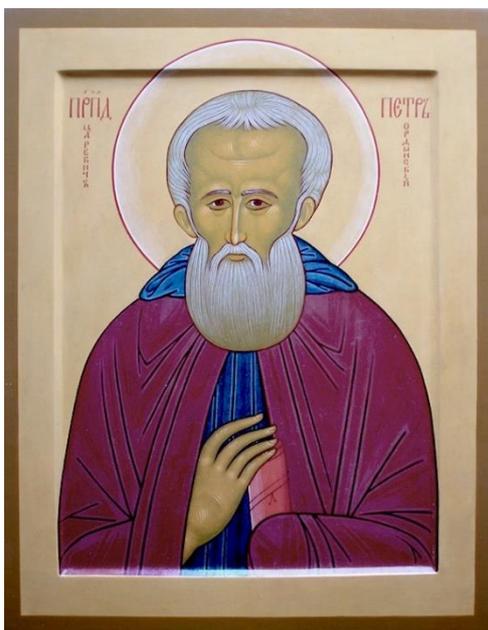
Праздник весьма древний. Свидетельства о нем встречаются уже в IV веке.

Святая Церковь, чувствуя каждого из 12-ти апостолов в разное время года, с давних времен установила общее празднование им на следующий день после памяти славных и первоверховных апостолов Петра и Павла († ок. 67). Сведения о каждом апостоле приведены в день его сугубой памяти.

Святой благоверный царь Константин Великий (306–337) построил в Царьграде храм во имя святых Двенадцати апостолов. Указания на совершение этого празднования встречаются в IV веке.

В тот же день память преподобного Петра, царевича Ордынского, Ростовского чудотворца (ум. 29 июня 1290 года).

Пётр, царевич Ордынский, Ростовский чудотворец, преподобный

Святой Петр царевич – ясный пример тому, что пребывание пастырей Русской Церкви в Орде, тяжелое для них, не оставалось без плодов для святой веры. Ростовский епископ Кирилл (память 21 мая/3 июня) ходил в Орду к хану Бергаю по нуждам Церкви. При восшествии нового хана на престол князя и пастыри наши обыкновенно ходили на поклон к нему. Так было и при Бергае, когда он взшел на престол после брата своего в 1257 году. Ласково принятый Бергаем, блаженный Кирилл, по его желанию, рассказывал ему о святой вере, как распространял ее святой Леонтий в Ростове (память 23 мая/5 июня), какие чудеса совершаются при мощах его во славу имени Христова и силой Христовой. В числе слушателей беседы епископа с ханом был юный племянник Бергая, сын его брата. Слово о вере Христовой пало на добрую почву – на сердце доброго юноши. Он был сильно

поражен тем, что слышал о святой вере, и стал уверяться в пустоте своей языческой религии: поклонении солнцу, звездам, огню. В том же году у хана разболелся единственный сын, и хан, вспомнив рассказы Ростовского епископа об исцелениях, совершающихся при гробе свт. Леонтия, вытребовал Кирилла к себе для исцеления сына. Святитель после теплой молитвы к Богу и Пресвятой Богородице молил чудотворца Леонтия оправдать дело святой веры перед заблудшими. Прибыв в Орду, он исцелил больного царевича молитвой и освященной водой. Щедро одаренный ханом Ростовский епископ отправился в отечество. Юный племянник хана во время вторичного пребывания епископа у хана решился удалиться с ним в Ростов, чтобы там принять святую веру. Не смея открыть своих намерений матери, боясь власти дяди, он тайно ушел из Орды и, догнав на дороге епископа, со слезами просил взять его с собой. Святитель согласился.

В Ростове царевич жил в доме епископа, ходил смотреть на чин богослужения, слушал чтение и пение и все его приводило в восторг. Тогда в кафедральном храме епископа, говорит древний повествователь, на левом клиросе пели по-гречески, а на правом по-русски. Царевич просил крестить его. Но владыка, заботившийся о своей пастве, велел царевичу ожидать до времени, опасаясь гнева ханского на землю Русскую, если услышит о крещении своего племянника. Но прошло довольно времени, умер хан Бергай, перестало в Орде искание царевича, и святитель с любовью окрестил его с именем Петра. Новый христианин научился русскому языку, усердно читал книги, трудолюбиво молился, посещал богослужение храма, жил чисто и воздержно, оставаясь в доме епископа.

Блаженный Кирилл скончался, и 19 сентября 1261 года из Авраамиевой обители взошел на кафедру Ростовскую свт. Игнатий. Петр продолжал жить при свт. Игнатии в кафедральном доме. Продолжая усердно посещать храм Божий и жить благоговейно, по временам забавлялся он соколиной охотой на берегу озера Неро. Раз, замедлив до ночи на этой охоте, заснул он у озера. Ему явились во сне, а по пробуждении и наяву, свв. апостолы Петр и Павел. Ужаснулся юноша, видя пред собой светлых мужей ростом, превышающим человеческий, и далеко осиявших окрестный мрак; трижды хотел он восстать и трижды повергался долу пред ними. И они, подняв его, ласково сказали: «Не бойся, друг Петр, мы посланы к тебе Богом, в Которого ты уверовал, и желаем, чтобы и здесь, где заснул ты, создана была церковь в наше имя; завтра ты выменяешь три иконы, одну Богородицы с Предвечным Младенцем и две святых, отнесешь их к епископу и скажешь, что апостолы Петр и Павел повелевают построить в их имя церковь на указанном ими месте». Затем они дали царевичу два мешка, один с золотом, другой с серебром, и стали невидимы. Блаженный Петр пробыл в молитве до утра на месте, где явились ему апостолы. Потом нашел в городе у иконописца три указанные иконы, выменял и понес их епископу. В ту же ночь свт. Игнатию явились апостолы и приказали построить в их имя храм. Устрашенный тоном приказания и видом их, Игнатий утром пригласил к себе князя – тогда был князем сын мученика Василька Борис – и, рассказав ему о видении, говорил: «Не знаю что делать? Недоумеваю, где строить храм?» В это время они увидели Петра с иконами на руках; епископ и князь были поражены изумлением, откуда мог взять Петр иностранец такие прекрасные иконы, тогда как в городе на то время не было иконописца? Выслушав рассказ Петра, они благоговейно поклонились святым иконам, отслужили в храме молебен перед ними, совершили крестный ход на место явления святых апостолов и здесь в построенной наскоро часовне поставили чудные иконы. Блаженный Петр выбрал обширную площадь на берегу озера. На отведенном месте был построен храм святых апостолов и при нем основался монастырь иноков.

Почитание преподобного царевича Петра началось с XIV века. Поместное празднование установлено на Соборе 1547 года, при митрополите Всероссийском Макарии.

Тропарь преподобного Петра, царевича Ордынского (Ростовского), глас 8

Отечества своего, блаженне Петре, удалився,/ и богомерзкую веру отнюд возненавидев,/ от тьмы во свет пришел еси/ и вселился еси во славный и многонародный град Ростов,/ в

немже житие честно пожив,/ церковь во имя святых апостол Петра и Павла воздвигл еси Христовою благодатию,/ и сию чудными иконами, яко невесту, украсив,/ святителя же, и князя, и вся люди житием своим удивил еси,/ темже и по смерти твоей Христос даром чудес обогати тя./ Поминай нас, чтущих пресветлую память твою, преподобне отче Петре,/ и моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак преподобного Петра, царевича Ордынского (Ростовского), глас 4

Явися велие солнце Христовой Церкви,/ просвещая учения светлостью, всечестне,/ яко черпалом златым,/ от кладязя неископаннаго чудес почерпл еси,/ от источника неистошимаго,/ на память успения твоего пришедшим, всеблаженне Петре,/ ныне всем подававши грехов прощение, славо преподобным.

Святитель Софроний, епископ Иркутский

Дни памяти

23 июня - Собор Сибирских святых

13 июля - Прославление

12 апреля

14 июля (переходящая) - Собор Санкт-Петербургских святых

Вторично память святителя Софрония совершается 30 июня (прославление, 1918).

После того, как почил в Бозе первый Иркутский святитель Иннокентий (Кульчицкий), восприемником ему оказался другой Иннокентий (Нерунович). Четырнадцать лет управлял он епархией, но в одной из поездок внезапно скончался, и кафедра оказалась вакантной. По ходатайству Тобольского митрополита Антония (Нарожницкого)

она была временно упразднена, «дабы там по недостатку ученых людей не разводились худые попы». Дела епархии вновь перешли в ведение Тобольского митрополита, который сам экзаменовал кандидатов на приходские места. Но через семь лет кафедра была восстановлена, и на нее взошел святитель Софроний (Кристаллевский), подвигом любви к пастве своей снискавший у Господа венец угодника Божия. «Делами проповеди и светильником любви согревайте мир человеческий, ибо только от любви любовь воспламеняется и собою всякую ревность по Бозе приводит», – так наставлял иркутское духовенство и миссионеров святитель Софроний, так жил сам.

Блаженный Софроний (в миру Стефан Кристаллевский) родился 25 декабря 1703 года в местечке Березани Переяславского уезда Полтавской губернии. Воспитанный благочестивыми родителями (отец его был клириком) в духе преданной любви к Богу и Его святой Церкви, он был отдан в Переяславскую духовную семинарию, по окончании которой поступил в Красногорский Покровский монастырь Полтавской епархии. После трех лет послушания он был пострижен в монахи и вскоре же возведен в иерейский чин. Как опытно прошедший все степени послушания и как получивший полное семинарское образование, Софроний был очень скоро поставлен настоятелем этого монастыря и в этом звании прослужил тринадцать лет.

Подвижническая жизнь, строгое благочестие, мудрость в управлении монастырем, образованность Софрония стали известны императрице Елизавете Петровне, и по ее воле

он был переведен наместником Александро-Невской Лавры. Здесь он прослужил одиннадцать лет.

Попав из тихого Красногорского монастыря в столичную Лавру, отец Софроний сразу ощутил разницу в настроении иноков этих обителей. Всегда стремясь к тихим монашеским подвигам, он устроил Троице-Сергиеву пустынь, где и сам душевно отдыхал, и давал возможность проходить послушание тяготившимся шумом столичной жизни инокам Лавры. В жизни самой Лавры отец настоятель старался ввести строгое иноческое житие и сам подавал пример неустанной работы, строгого исполнения церковного устава и в богослужении, и за трапезой. За свою высокую подвижническую жизнь и за то усердие, с которым трудился во славу Божию в столичной Лавре, он приобрел особое расположение императрицы, которая и предложила Святейшему Синоду назначить архимандрита Софрония на Иркутскую кафедру с возведением его в сан епископа. Хиротония блаженнейшего Софрония состоялась 18 апреля 1753 года, а к месту служения, в Иркутск, святитель прибыл лишь 20 марта 1754 года.

Сама дорога заняла около четырех месяцев, остальное же время, более полугодом, он был занят подбором тех, на кого мог положиться в далекой Сибири. Святитель Софроний, безусловно, знал о тех терниях, которые сопровождали апостольский путь святителя Иннокентия, о состоянии дел в Иркутской епархии и потому готовился в путь особенно тщательно. Выбор ближайших сотрудников оказался для него счастливым, многих из них он назначил настоятелями монастырей. Среди них был и настоятель Вознесенского монастыря схиархимандрит Синесий, прославленный впоследствии земной Церковью как преподобный наш предстатель на небесах.

Сразу по прибытии в Иркутск святитель целиком отдался многотрудному деланию на ниве Христовой, исправляя то, что было упущено за семилетний период закрытия кафедры.

Большой заботой святителя было состояние духовенства епархии, его образовательный, да и нравственный уровень. Некоторые священнослужители не умели даже писать, часть епархиального клира находилась отнюдь не на высоте своего призвания (ко многим применялись даже телесные наказания – сечение розгами). Совсем не в диковину тогда был рапорт закащика (благочинного) епархиальным властям о «сечении без милосердия».

Другой проблемой оказалась нужда в священниках. Если на части приходов хоть какие-то клирики были, то другая часть храмов просто пустовала за смертью настоятелей. Тогда-то и дала свои плоды та кропотливая работа, которую вел святитель в столице, подбирая себе будущих сотруженников.

В подборе кандидатов в священники святителю Софронию весьма помогла монгольская школа при Вознесенском монастыре. Святитель Софроний перевел ее из монастырских стен в архиерейский дом, чтобы лично руководить ходом образования и воспитания будущих пастырей, увеличил количество преподаваемых в ней предметов и расширил их объем. Находил он время и для педагогической работы – сам преподавал в школе славянский и русский языки.

Для непосредственного знакомства с духовенством обширной Иркутской епархии святитель «не нуждою, но волею и по Бозе» усердно посещал самые отдаленные от Иркутска города: Нерчинск, Якутск, Киренск. Целые месяцы, не жалея себя, проводил он в пути, часто передвигаясь по сибирским делям верхом на лошадях. Конечно, встречи с паствой, никогда прежде не выдавшей архиереев, а тем более архиерейской службы, оказывала на нее глубокое воспитательное воздействие. Святитель входил в самое тесное общение со священниками и мирянами, все хотел видеть своими глазами, награждал усердных служителей, смещал негодных.

Семилетнее вдовство Иркутской кафедры отрицательно сказалось и на миссионерской деятельности. Восстанавливая кафедру, святитель составил и разослал по епархии увещательное послание, предписав закащикам (благочинным) следующее: «Призывать всем священникам идоляторов (идолопоклонников) к познанию Истинного Бога: принявших Святое Крещение учить вере и правым догматам как возможно кратко,

применяясь к деяниям апостольским; желающих крестили бы, начальнейших людей учили бы грамоте и показывали, что есть закон христианский.

Доносили бы о принявших Святое Крещение в светскую команду для дарования льготы от ясака, и в консисторию для сведения, и новокрещенным давали бы от себя билет.

Принявших Крещение увещевать, чтобы к шаманам не ходили, учения их не слушали, идолов не имели и не кланялись им.

Повседневно продолжительных молений не полагали бы, только бы по четвертой заповеди в праздники собирались, а повседневно – поутру и ложась спать, краткими молитвами молились; и молитвы те, аще возможно, перевести на их язык и, главнее всего, молитву пред начатием дела, молитву Господню и Пресвятой Богородице.

Посты с различием брашен не налагались бы, но учили бы при каких ни на есть брашнах всегдашнего воздержания и сказывали бы, что объядение и пьянство – великий грех есть.

Увещали бы, что на всякий год в определенное время, при воздержании от плотоугождения и при искренней (как возможно) исповеди, причащались Пречистых Таин, и чтобы они к таковому великому таинству имели желание, с верою и надеждою оставления своих грехов.

Больных, а наипаче в нечаянии живота, увещевали бы и причащением сподобляли, хотя и без алкания.

О делах милосердия учили бы, чтоб всяк от имени своего подавал всякому брату неимущему.

Смотрели бы, чтобы новокрещенные не держались шаманства, волшебства, чародейства и колдовства, примет счастья, встречи словесных и бессловесных и прочаго суеверия.

По приобщении Святых Таин наказывали бы новокрещеным, дабы жили благоговейно, воздержно, яко христианам прилично.

Проведывали бы, не имеют ли новокрещенные двух жен, и кто имеет таковых, разлучали бы и велели бы жить с единою женою, с которою пожелает, повенчав их и наказав жить воздержанно и целомудренно.

О препятствующих проповеди среди идоложителей доносить кому следует.

Не желающим Святого Крещения после обращения и увещевания принуждения не чинить и никаких угроз не делать, понеже христианской проповеди надлежит любовь со смирением, кротостию и тихостию, понеже сердце человеческое насильствуемо быть не может».

Мягкое и сердечное послание святителя Софрония оживило состояние миссии. Но положение новокрещенных было тяжелым. Сородичи смотрели на них как на отщепенцев. Поэтому многие из обращенных ко Христу уходили из своих семей и поступали в услужение к русским или жили у восприемников. Но были случаи, когда непривычные условия новой жизни и тоска заставляли их убегать в свои родные улусы. Появились следственные дела «о оказавшихся из новокрещенных в свои улусы побегам». Всевозможные меры, принимавшиеся духовенством к насаждению новокрещенных от языческого влияния, были не всегда эффективны. И использовать здесь силу святитель воспрещал. Так, им было отказано в посылке на Байкал отряда казаков «для сыску беглых новокрещенных, дабы казаки не могли братским обид и разорения произвести».

Благоукрашая Церковь изнутри, что выражалось в неусыпной заботе о пастве и пастырях, святитель много сил и энергии тратил на благоукрашение Церкви извне – строительство новых домов. В Вознесенском монастыре был сооружен каменный соборный храм во имя Вознесения Господня, в который в 1805 году были перенесены мощи святителя Иннокентия, в Знаменском женском монастыре сооружен каменный храм во имя Знамени Божией Матери. В самом городе построены были четыре храма, и при Богоявленском соборе устроен придел во имя Казанской иконы Божией Матери, в котором впоследствии был погребен сам строитель – святитель Софроний. Построен был также каменный

архиерейский дом с каменной же вокруг него оградой. Консистория, помещавшаяся в Вознесенском монастыре, была переведена в Иркутск, в новое здание.

Святителем прилагалось всяческое старание к открытию новых приходов, снабжению церковей приличной утварью, ризницей, устройству колокольного звона, лучшей постановке в церквях пения.

Очень любил святитель уставную службу, сам часто служил и всегда заботился о благолепии и торжественности богослужения, располагавших сердца молящихся к умилению, своим примером наставляя духовенство к красоте и возвышенности службы. Этому способствовало и святительское облачение владыки, дотоле богомольцами не виданное. Ему первому из иркутских епископов при хиротонии дарована была привилегия совершать богослужение в саккосе. До этого епископы служили в обыкновенных священнических ризах.

Архипастырские труды владыки сочетались с истинно подвижническим образом его жизни. Питался он скудно, спал на какой-нибудь коже на полу, непрестанно молился и никогда не пропускал монашеское молитвенное правило. До дня своей кончины подвизался он подвигом отца, любящего свою паству. Щедрость святителя Софрония не знала границ. Всего себя отдавал он делу благотворения – не съедал куска, не поделившись с кем-либо. Его жилище и весь Вознесенский монастырь были переполнены больными, бездомными, сиротами. И подлинно, от такой любви воспламенялись сердца пасомых: не он искал людей, нуждающихся в православном просвещении, а сами они, без различия племен и веры, шли к нему тысячами и отдавали свои души и сердца, умножая собою стадо Христово.

30 марта/12 апреля – Преставление

Семнадцать лет горел светильник веры на свечнице Иркутской церкви, освещая пастве путь в Царствие Небесное, но Господу было угодно забрать душу святителя Софрония, дабы его нетленными останками явить миру Свою славу. Земной подвиг святителя закончился 30 марта 1771 года во втором часу пополудни. «Будучи одержим немалое время внутреннею жестокою болезнию», незабвенный святитель скончался.

Первое чудо явлено было по его успении. После кончины, пришедшейся на второй день Святой Пасхи, прикрытый крышкой гроб с телом святителя целых шесть месяцев и десять дней простоял поверх пола в устроенном им Казанском приделе Иркутского собора. И лишь 8 октября 1771 года состоялось предание его земле. Все это время тело оставалось нетленным, что вместе с подвигом христианской добродетели, бывшими у всех в памяти, убедило жителей Иркутска в святости почившего иерарха. И вскоре же от гроба святителя начались чудеса и исцеления больных, с верою обращавшихся к нему о молитвенной помощи. Таких чудес, только записанных и проверенных, еще до канонизации святителя насчитывалось шестьдесят восемь.

Сколько незримой благодатной помощи подавалось страждущим душой и телом после молитвы на могиле святителя! Гробница его в Иркутском Богоявленском соборе служила пристанищем для скорбящих, неугасимым алтарем для их молитв, возносимых ежедневно. Год от года увеличивалось число молящихся у гроба святителя. К его могиле стали приходить не только жители Иркутска и Забайкалья, но и страждущие и больные со всей Сибири.

Росту почитания святителя способствовали еще и результаты неоднократных освидетельствований его святых мощей, имевших место: в 1833 году, при архиепископе Мелетии (при вскрытии пола в Казанском приделе); в 1854 году, при архиепископе Ниле (также при переделке соборного пола); в 1870 году, при архиепископе Парфении, на этот раз уже особой комиссией (во время капитального ремонта); в 1887 году, при архиепископе Вениамине.

8 марта 1909 года особой комиссией в составе архиепископа Тихона, епископа Иоанна Киренского, викария Иркутской епархии, ректора Иркутской семинарии архимандрита

Евгения, миссионера-проповедника протоиерея Иоанна Восторгова, командированного Синодом, и членов местного кафедрального собора было произведено официальное освидетельствование останков святителя, причем обнаружилось следующее: через сто тридцать восемь лет, несмотря на близость к воде (рядом протекает река Ангара), несмотря на постоянную сырость в пещере и под полами собора, особенно в летнее время, гроб, одеяние и тело святителя Софрония сохранились нетленными. Во время досмотра, продолжавшегося около двух часов, некоторыми из присутствующих ощущалось благоухание от мощей святителя.

19 июня 1909 года состоялось второе официальное освидетельствование мощей комиссией в составе архиепископа Тихона, кафедрального протоиерея Фивейского, ключаря Верномудрова, иеромонаха Прокопия. И вновь все было найдено в том же виде и состоянии, что и при осмотре 1909 года. Результаты досмотра не могли не сделаться достоянием гласности благочестивых почитателей святителя Софрония и еще более воспламенили веру в его святость и надежду на скорое его земное прославление.

Побуждаемые благоговейным почитанием памяти святителя, в Синод с ходатайством о скорейшем прославлении епископа Софрония как угодника Божия обращались иерархи, светские власти, православный верующий народ. В 1909 году в Иркутске состоялся Миссионерский съезд, который своим постановлением выразил усердное желание ходатайствовать о прославлении святителя Софрония перед Святейшим Синодом. В следующем году 19 марта Иркутский архиепископ Тихон (Донебин) обратился в Синод со своим личным ходатайством. В 1914 году архиепископ Иркутский Серафим сделал Синоду подробный доклад о житии и чудесах, исходящих от нетленных мощей святителя Софрония. То же стремление выразило пастырское собрание духовенства Иркутска. Городская дума и городская управа в своем представлении губернатору также просили поддержать ходатайство.

Пожелание скорейшего прославления владыки было выражено 48-м епархиальным съездом духовенства Иркутской епархии. Однако Господь судил благовременным прославление святителя лишь в 1918 году. Но прежде чем произошло это радостное и долгожданное событие, вера почитателей памяти святителя, как золото, подверглась испытанию. Цельбоносные мощи святителя продолжали покоиться в Казанском приделе Иркутского Богоявленского собора до 18 апреля 1917 года. Божиим попущением в этот день от неизвестной причины в храме произошел пожар, уничтоживший гробницу и нетленные мощи святителя Софрония. Знаменательно, что это событие совпало со днем хиротонии святителя, бывшем в 1753 году, и с новым праздником будущей безбожной власти – Первомаем (18 апреля по старому стилю), в то время уже достаточно широко и по-своему празднуемым – с пьянками, драками и «красными петухами», как тогда называли пожары. Но горе утраты мощей святителя не только не умалило почитания его памяти, на что надеялся лукавый, наблюдавший со стороны за плодами своей деятельности, наоборот. Верующие чада Церкви объединились в союз православных христиан, имеющий целью ограждать неприкосновенность святынь православия, защищать их от поругания врагами Церкви.

Особая комиссия из духовных лиц, мирян, представителей судебной власти, экспертов-медиков и одного химика освидетельствовала прах и кости святителя, сохранившиеся после пожара, и благоговейно сложила останки в специальный ковчежец. Начался новый период земной славы святителя.

Сразу после пожара во много раз выросло число его почитателей, увеличилось количество панихид, уже перед ковчежцем. По рукам богомольцев и раньше ходили подписные листы с требованием скорейшего прославления угодника Божия, теперь их количество значительно увеличилось. Выросло число заявлений о новых чудесах и знамениях, совершившихся по молитвенному предстательству святителя, причем многие из тех, кто пережил подобное чудесное явление, свидетельствовали об этом на Иркутском епархиальном съезде перед всеми собравшимися. В адрес съезда поступили обращения из

других епархий с поддержкой стремления иркутян к прославлению святителя Софрония. Обращения поступали не только из Сибири, но и из далекой Тверской, Киевской и других епархий. Иркутский епархиальный съезд постановил возбудить ходатайство через высокопреосвященного архиепископа Иоанна и избранных представителей от епархии об ускорении дела о всеобщем прославлении третьего епископа Иркутского и причислении его к лику святых. Это ходатайство перед Святейшим Синодом было возбуждено и передано оттуда в совет Всероссийского Священного Собора. Кроме донесения высокопреосвященного Иоанна Иркутского, Собору были представлены все обращения и заявления с описанием чудес, проверенных специальной комиссией, листы с подписями свыше 18 000 человек, отзывы участников Собора, врачей Клевезаля и Волобуева о некоторых наиболее ярких случаях чудесных исцелений по молитвам святителя на основании показа данных под присягой. Воздав хвалу дивному во святых Своих Господу Богу, благоволившему явить нового светильника Церкви Российской как новое и великое знамение Своих благодеяний Православной Церкви и народу русскому, и приняв во внимание, что все предварительные акты, требуемые установившимися обычаями Православной Русской Церкви относительно канонизации угодников Божиих, уже исполнены, Собор епископов нашел благовременным осуществить благочестивое желание многочисленных почитателей памяти в Бозе почившего святителя Софрония. Деяниями Собора было определено: совершить прославление святителя Софрония, третьего епископа Иркутского, причислив его к лику святых угодников Божиих, чествуемых Православной Церковью; священные останки святителя, собрав в ковчежец, вложить в раку.

30 июня/13 июля – Прославление

Само торжество прославления, сроки которого деяниями Собора было предложено определить Иркутскому архиерею самому, сообразуясь с мнением патриарха и местными условиями, ориентировочно планировалось на 30 июня – таково было мнение преосвященного Иоанна, архиепископа Иркутского и Верхотурского. Вместе с тем в адрес патриарха и Синода поступила записка от причта Иркутского кафедрального собора с просьбой отложить торжество погребения святителя по крайней мере до 8 октября. Основания приводились действительно веские.

Помимо опасений не уложиться в оставшееся до 30 июня время, серьезными представлялись политические и экономические причины. Страна находилась в состоянии гражданской войны; для богослужений не хватало элементарных вещей: свечей, муки, вина, деревянного масла; не было икон святителя; кроме всего, для организации празднования нужно было получить разрешение у новых властей, а между тем «новая власть в лице комиссаров устройство торжества в ближайшее время находит неудобным». «Наконец, – пишут клирики Иркутска, – в городе в настоящее время крайне напряженная обстановка вследствие движения Белой Армии с Дальнего Востока. Во что это выльется через месяц-другой, сказать трудно».

Против таких доводов трудно было что-либо возразить, и патриарх дал согласие на перенесение срока прославления на более благоприятное время. Но не в силе Бог, а в правде. В минуту разногласий о времени прославления сам святитель Софроний явился архиепископу Иоанну и рек ему: «Мужайся!», чем вдохновил его пойти наперекор видимым препятствиям. Торжество состоялось именно 30 июня. Мирное пение славы Господу и угоднику Божию Софронию ничем не было нарушено. Его хранило моление самого святителя пред Престолом Всевышнего.

Тогда же священником Тихоном Солдатовым была составлена служба святителю, а тропарь и кондак по благословению преосвященного Иоанна написал протоиерей Николай Пономарев. Акафист был подготовлен иеромонахом Порфирием и рецензирован коллективом епископов, находившихся в Иркутске «по обстоятельствам времени». Те же «обстоятельства времени» перенесли раку и ковчежец со святыми останками в иркутский

храм во имя иконы Владимирской Божией Матери, принадлежавшей обновленцам. С 1937 года, после закрытия этого храма, святыня пребывает под спудом. Ныне имя святителя Софрония, нашего усердного заступника, великого подвижника Церкви, неутомимого труженика, «наставника монахов и собеседника ангелов», чтится всем православным миром.

Святитель Софроний, епископ Иркутский и всея Сибири, преставился к Богу 30 марта 1771 года, на второй день Святой Пасхи. Пока ожидали решения Святейшего Синода о погребении, шесть месяцев его тело оставалось не преданным земле и за это время не подверглось тлению. Уже тогда, ввиду этого обстоятельства, а также зная строгую подвижническую жизнь святителя Софрония, паства стала почитать его как угодника Божия. Многократно (в 1833, 1854, 1870, 1909 гг.) его мощи свидетельствовались как нетленные и источающие благодатные чудотворения. Случившийся 18 апреля 1917 года пожар в Богоявленском соборе Иркутска оставил только кости святителя, но не умалил, а, наоборот, увеличил благоговейное почитание святителя верующим народом.

Поместный Собор Русской Православной Церкви в определении от 10/23 апреля 1918 года постановил совершить прославление святителя Софрония, причислив его к лику святых угодников Божиих. Само торжество причисления святителя Софрония к лику святых было совершено 30 июня. На второй сессии этого же Собора под председательством святейшего патриарха Тихона была утверждена служба святителю Софронию с тропарем, составленным управлявшим в то время Иркутской епархией архиепископом Иоанном, чтобы все верующие имели возможность присоединить молитву святому угоднику к голосу церквей сибирских, высоко чтущих память своего светильника и молитвенника.

И в настоящее время верующие обращаются за помощью к святителю Софронию. Об этом свидетельствуют молитва, составленная в день празднования 40-летия прославления святителя 13 июля 1958 года митрополитом Нестором (Анисимовым), тогда митрополитом Новосибирским и Барнаульским, торжественное празднование в 1971 году 200-летия со дня преставления святителя Софрония в Золотоношской Красногорской женской обители Покрова Божией Матери и в Иркутской епархии ("Журнал Московской Патриархии", 1971, № 9) и благоговейное почитание его памяти всеми верующими Русской Православной Церкви.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-sofronij-irkutskij>

Тропарь святителя Софрония, епископа Иркутского, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне Софроние,/ добре управил еси иноческия обители/ и, архиерейства саном почтен быв,/ упасл еси Иркутскую паству,/ темже и по преставлении дарования чудес от Бога приял еси/ и молиши Христа Бога/ избавити нас от бед и спасти души наша.

Ин тропарь святителя Софрония, архиепископа Иркутского, глас 1

Скорый в бедах и скорбех заступниче,/ отче иерарше страны Сибирский,/ святителю Софроние,/ на Небеси предстои с первоиерархом Иркутския Церкви и всеми святыми,/ выну имаша благоволение Господа славы,/ призри на люди, притекающия к честным останкам святых мощей твоих,/ с верою и любовью слезно просящия твоея помощи и заступления,/ моли, Егоже проповедал еси людем Сибири,/ избавити я от находящих зол и наветов вражиих,/ просветити людей оляденевшая древле неверием сердца,/ даровати утверждение веры Христовы/ и спасти души наша.

Кондак святителя Софрония, архиепископа Иркутского, глас 4

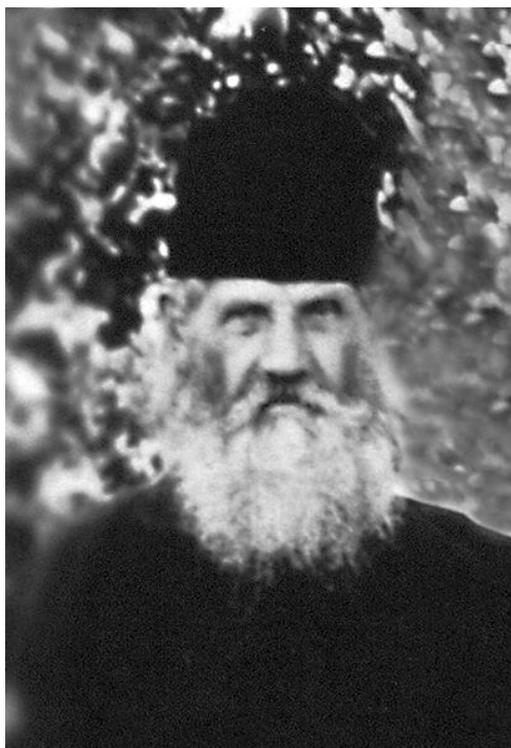
Соименнаго мудрости иерарха,/ изрядное Церкви Иркутския украшение,/ отца нашего святителя Софрония любовью восхвалим, вси вернии,/ той бо есть хранитель града и страны сея/ и молитвенник о душах наших.

Ин кондак святителя Софрония, архиепископа Иркутского, глас 3

Пастырей Начальнику, Христу,/ трудился еси, святителю Софроние,/ на пажити духовней северных страны нашел,/ языцы монгольстии от прелести и скверны идольския избавляя,/ привел еси я к свету веры Христовой,/ и ныне, со Ангелы Владычню Престолу предстоя,/ моли непрестанно о всех нас,/ избавити ны от бед и спасти души наша.

Святые Казахстанской земли

Преподобномученик Феоген (Козырев), архимандрит

Дни памяти

8 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской

11 февраля - Собор Коми святых

26 февраля - Собор святых Омской митрополии

13 июля

Прмч. Феоген (в миру Василий Козырев) родился в 1862 г. В 1926 г. был рукоположен в иеромонаха, затем возведен в сан архимандрита. В 1932 г. впервые арестован в Алма-Ате за помощь ссыльному духовенству и осужден на 3 года ссылки. После досрочного освобождения в 1934 г. продолжил служение, но в 1935 г. был вновь арестован и сослан в Казахстан. В 1937 г. получил новый срок – 5 лет ссылки в Коми АССР. В 1938 г. арестован в Сыктывкаре по обвинению в "контрреволюционной деятельности". Несмотря на преклонный возраст (77 лет) и слабое здоровье, мужественно отвергал все ложные обвинения. В 1939 г. осужден на 5 лет лагерей. Скончался в

тюрьме в 1939 г.

Преподобномученик Феоген родился 27 января 1862 года в городе Санкт-Петербурге в семье служащего конюшенного ведомства при царском дворце Льва Козырева и в крещении был наречен Василием. Лев Козырев служил при конюшнях дворцового ведомства при Императоре Николае I; Василий, окончив на казенный счет Александровскую гимназию, с 1877 года также стал служить при конюшнях дворцового ведомства. После большевистского переворота в 1917 году конюшенное ведомство было передано автобазе, и до выхода на пенсию в 1924 году Василий Львович служил здесь кладовщиком, а затем переехал в город Мещовск Калужской области и поселился при одном из монастырей; в том же году он был пострижен в монашество с именем Феоген.

В 1926 году епископ Мосальский, викарий Калужской епархии Герман (Вейнберг) рукоположил его во иеромонаха и возвел во игумена и благословил быть своим духовником. Отец Феоген жил сначала в Мещовске, затем в Мосальске; в 1928 году он переехал вместе с епископом Германом в Бугуруслан, куда владыка был назначен викарием, а в 1930 году с получением епископом Германом самостоятельной кафедры переехал вместе с ним в Алма-Ату. Здесь он стал служить вместе с владыкой в Никольском соборе. Весной 1932 года епископ Герман возвел игумена Феогена в сан архимандрита; при

возведении присутствовали святители-исповедники архиепископ Прокопий (Титов)[a] и епископ Амвросий (Полянский)[b].

Епископ Герман и архимандрит Феоген жили при соборе, где кроме них жили монахини, присматривавшие за храмом. В начале декабря 1932 года мать начальника местного ОГПУ, придя к монахиням, сказала: «Мой сын послал меня предупредить, что в ночь на 10 декабря всех ваших священников арестуют. Никому поначалу не велел говорить, а только из-за того, что жалко ему меня, зная, что я церковь люблю, сказал: “Пойди и скажи сестрам”»[1].

Всенощная 9 декабря 1932 года под праздник в честь иконы Божией Матери «Знамение» была отслужена особенно торжественно. Епископу Герману сослужили архимандрит Феоген, протоиереи Александр Скальский, Стефан Пономарев и Филипп Григорьев[с]. После всенощной монахини, епископ Герман и архимандрит Феоген ушли в свои кельи, а священники разошлись по домам в городе. Около одиннадцати часов ночи к Никольскому собору подошли сотрудники ОГПУ и сразу же прошли в комнату епископа и архимандрита и арестовали их. Тем временем в церковный двор ввели арестованных священников Александра Скальского и Стефана Пономарева, а затем всех повели в тюрьму ОГПУ, куда уже был приведен священник Филипп Григорьев.

Архимандрита Феогена обвинили в том, что он «входил в руководящий центр организации, содействовал в работе по нелегальной переброске за кордон представителей от организации с целью закрепления блока с белоэмигрантскими кругами...»[2].

Отвечая на вопросы следователя, архимандрит Феоген сказал: «Живя в одной комнате с епископом Германом, мне приходилось наблюдать, что к нему заходили ссыльные священники и епископы. Обычно между ними и епископом Германом велись разговоры в плоскости ознакомления с вопросом, откуда прибыли ссыльные, на сколько осуждены, где раньше служили... Причт Никольской церкви оказывал денежную помощь ссыльным, но в каком размере, сказать не могу. У нас вообще существовала система оказывать помощь ссыльным, но велся ли учет выдаваемым суммам, я не знаю. Ко мне, как к исповеднику, часто обращались крестьяне с вопросом, можно ли идти в колхозы. Я им отвечал: “Главное не забывайте Бога, с Ним везде будет хорошо...”»[3]. Архимандрит Феоген признал, что, действительно, содействовал просьбе верующих о переправке священника на приход, находившийся Китае, и встречался с теми, кто приходил оттуда.

25 июня 1933 года тройка при ПП ОГПУ приговорила отца Феогена к трем годам ссылки в Западную Сибирь, и он был отправлен в город Тара Омской области. Здоровье его в это время стало столь слабым, что 5 мая 1934 года он был досрочно освобожден из ссылки и вернулся в Алма-Ату, где снова стал служить в Никольском соборе. Ему шел семьдесят третий год. В начале марта 1935 года отец Феоген вышел за штат и уехал в Петроград, надеясь здесь дожить свои последние годы, но власти отказали ему в прописке, и он был вынужден вернуться в Алма-Ату и здесь снова стал служить в Никольском соборе.

18 апреля 1935 года отец Феоген был вновь арестован. Ему предъявили те же самые, что и в предыдущий раз, обвинения в поддержании отношений с находящимися в Китае эмигрантами, в помощи ссыльным и в антисоветской агитации.

– При каких обстоятельствах вы встретились с китайским консулом? – спросил его следователь.

– В начале апреля 1935 года меня пригласили на кладбище для отпевания умершей, прибывшей из Китая, фамилии ее я не знаю. Во время отпевания прибыл китайский консул. Прибывший из Китая спросил, желаю ли я переехать в Китай, обещая устроить проезд, ссылаясь при этом на китайского консула. Я от поездки отказался в присутствии китайского консула.

– Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении и в чем именно?

– Виновным в предъявленном мне обвинении не признаю, – ответил архимандрит Феоген.

В обвинительном заключении следователь написал: «Будучи осужденным, Козырев своих контрреволюционных убеждений не изменил и, находясь в городе Алма-Ата,

продолжал контрреволюционную деятельность. Произведенным следствием... установлено враждебное отношение его к советской власти... Свидетель, епископ Алма-Атинский Толстопятов, показал: "...Козырев... (архимандрит Феоген) не советский человек. Очевидно, это явилось в результате того, что Козырев при царизме занимал видное положение... и не может помириться с существующим строем... Доказательством его... несоветских взглядов служит, например, то, что по возвращении из поездки в Ленинград в марте 1935 года он всюду рассказывал о массовых арестах и высылках... производимых властями. Причем рисовал жуткую картину, создавшуюся в Ленинграде в связи "с массовыми арестами". Эти рассказы Козырева производили неприятное впечатление на слушателей и компрометировали, таким образом, власть"»[4].

22 июля 1935 года Особое Совещание при НКВД приговорило архимандрита Феогена к трем годам ссылки в Казахстан. В 1936 году его перевели в Чимкент, и здесь 1 ноября 1936 года он снова был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, в участии в создании нелегальной общины и рассказах об исцелениях от имеющихся у него частиц святых мощей.

– Следствию известно, что цель вашего приезда в Чимкент заключалась в том, что вы решили принять участие в организации нелегальной общины... Признаете ли это? – спросил его следователь.

– Участия в организации нелегальной общины... я не принимал.

– Следствие зачитывает вам показания... из которых видно, что вы принимали участие в организации нелегальной общины. Следствие требует правдивых показаний.

– Мое участие в организации нелегальной общины заключалось разве лишь в том, что я посещал молитвенный дом и тем самым привлек туда верующих, так как среди верующих я пользовался авторитетом; что же касается другого участия в деле организации общины, то, повторяю, что я не был организатором ее.

– Следствию известно, что среди верующих вы распространяли провокационные слухи о наличии у вас святых мощей. Дайте следствию показания об этом.

– Действительно, я имел небольшой серебряный крест, в который была заделана частица святых мощей святой Анны Кашинской; крест этот дала мне одна игумения в 1929 году в Бугуруслане. Крест этот я постоянно носил с собой, и некоторые из верующих прикладывались к нему, и я говорил, что в нем святые мощи.

– Следствию известно, что за благословение святыми мощами вы собирали деньги с верующих, посещавших нелегальный молитвенный дом.

– Посещая молитвенный дом, я получал от верующих деньги как материальную помощь, но за благословение мощами денег я не получал.

21 мая 1937 года тройка НКВД приговорила архимандрита Феогена «за участие в контрреволюционной группе церковников»[5] к пяти годам ссылки в Северную область.

Архимандрит Феоген был сослан в город Сыктывкар Коми области, куда прибыл в июле 1937 года; здесь в это время жили сосланные сюда епископы, священники и миряне; впоследствии многие из них были арестованы за свою принадлежность к Православной Церкви. Сначала с группой верующих были арестованы епископы Герман (Ряшенцев)[d] и Серапион (Шевалеевский), затем 29 апреля 1938 года были арестованы епископ Стефан (Знамировский), архимандрит Феоген (Козырев) и другие священники и миряне и заключены в тюрьму в Сыктывкаре. Епископа Стефана обвиняли в том, что он, входя в контрреволюционную группу, помогал ссыльным, и в частности архимандриту Феогену, передав ему через некую женщину пять рублей и записку с просьбой помолиться о его здоровье, так как он в то время тяжело болел. Епископ Стефан и архимандрит Феоген не были ранее друг с другом знакомы и в первый раз увиделись в местном отделении НКВД, куда они приходили как ссыльные для отметки.

Допросы архимандрита Феогена продолжались с 29 июня по 11 сентября 1938 года.

– Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении? – спросил его следователь.

- Виновным себя не признаю.
- Вы проводили контрреволюционную деятельность. Дайте показания по существу! – требовал от него следователь.
- Контрреволюционной деятельности я не проводил.
- Следствием установлено это. Почему вы это отрицаете?
- Отрицаю потому, что контрреволюционную работу я не проводил.
- Вы клеветали на советскую власть, заявляя, что сейчас идет гонение со стороны советской власти на религию. Признаете это?
- Нет, этого с моей стороны не было.
- Ваша контрреволюционная деятельность следствием вполне установлена. Почему вы отрицаете?
- Этого не было, поэтому и отрицаю.
- Следствием установлено, что вы имели связь с епископом Знамировским. Последний вам оказывал материальную помощь. Почему отрицаете это?
- С епископом Знамировским я лично знаком не был. На квартире его я не бывал, и он тоже у меня не бывал. Деньги в сумме пяти рублей от Знамировского получил через незнакомую мне женщину.
- Вы имели разговор со Знамировским на регистрации?
- Не имел.
- Следствием установлено, что, встречаясь на регистрации, Знамировский, опасаясь много говорить, сказал вам, что вы еще ему понадобится. Признаете это?
- Не признаю. Такого разговора со Знамировским не имел.
- Вы даете противоречащие показания. Вы подтверждаете, что от Знамировского получили материальную помощь, и в то же время утверждаете, что с ним не были знакомы и связи никакой не имели. Дайте правдивые ответы.
- Мои показания правдивы. Когда Знамировский посылал мне деньги, то в записке писал, что он больной и просил помолиться за него. Лично разговоров с ним не имел.
- Если вы не были знакомы со Знамировским, то откуда он мог вас знать и оказывать материальную помощь?
- Меня, как духовника духовенства, знают многие. Возможно, Знамировский обо мне слышал от кого-нибудь.
- Вы вели агитацию против обновленцев, называя их еретиками и раскольниками и что они действуют заодно с советской властью и всячески притесняют тихоновцев. Признаете это?
- Не отрицаю, что обновленцев я действительно называл еретиками, потому что они нарушают церковный устав, допускают брак епископов и двоеженство священников.
- В конце марта 1938 года вы распространяли контрреволюционные слухи, что в Алма-Ате арестовано все православное духовенство. Признаете это?
- Не признаю. Этого я никому не говорил.
- Прекратите запирательство. Следствие предупреждает вас, что все это установлено, и предлагает вам давать правдивые ответы.
- Другого ответа я дать не могу.

Был вызван в качестве свидетеля священник, который об архимандрите Феогене сказал: «Он мне прямо поставил вопрос, чтобы я поступил священником Кочпонской церкви и в своих проповедях призывал верующих не ходить в обновленческую церковь, ибо там служат еретики, которые работают заодно с советской властью... Козырев в резкой форме обвинял советскую власть, что она путем гонения на религию и духовенство хочет уничтожить религию, но это не удастся, он своих волос и креста на шее никому снимать не разрешит...»[6]

10 сентября 1938 года следствие было закончено и материалы дела направлены на рассмотрение закрытого суда.

16 марта 1939 года епископ Стефан (Знамировский) направил в Верховный суд Коми АССР заявление, в котором, в частности, писал: «С Козыревым у меня не было близкой связи: ни я у него, ни он у меня не бывали. Видался я с ним несколько раз на отметке в помещении НКВД Коми АССР, где, как всякому понятно, совершенно немыслима никакая контрреволюционная агитация. Посылал ли я ему пять рублей в виде материальной помощи с письмом при этом, я совершенно не помню... Я же со своей стороны определенно заявляю одно – никакой контрреволюционной демонстрации в виде помощи именно административно-ссылному или каких-либо запретных целей я здесь преследовать не мог по причине своей лояльности в отношении советской власти. Да и что могли дать эти пять рублей и этот дряхлый полуслепой старик Козырев? Одно уже это обстоятельство делает возведенное на меня обвинение совершенно неосновательным...»[7]

На суде, начавшемся 23 марта 1939 года, архимандрит Феоген категорично отверг все выдвинутые против него обвинения. На следующий день был зачитан приговор. Архимандрит Феоген был приговорен к пяти годам лишения свободы с последующим поражением в правах на пять лет. 27 марта он отправил в Верховный суд кассационную жалобу; он писал, что не признает себя виновным, кроме того, никто в судебном заседании не подтвердил ведшихся будто бы им контрреволюционных разговоров. Он просил учесть его престарелый возраст и снизить меру наказания, как слишком суровую. Архимандриту Феогену было в это время семьдесят семь лет.

15 июля 1939 года Верховный суд отклонил кассационные жалобы осужденных, так как по мнению суда «их просьба удовлетворению не подлежит, так как мера наказания судом определена с учетом личностей осужденных»[8], что означало их принадлежность к Православной Церкви.

Архимандрит Феоген (Козырев) скончался в тюрьме 12 июля 1939 года в день празднования памяти первоверховных апостолов Петра и Павла и был погребен в неизвестной могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский) «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь». Тверь. 2008. С. 522-530

Примечания

[а] Священномученик Прокопий (в миру Петр Семенович Титов), архиепископ Одесский и Херсонский; память 10/23 ноября.

[b] Священноисповедник Амвросий (в миру Александр Алексеевич Полянский), епископ Каменец-Подольский; память 7/20 декабря.

[с] Священномученики Александр (Скальский), Стефан (Пономарев) и Филипп (Григорьев); память 4/17 января.

[d] Священномученик Герман (в миру Николай Степанович Ряшенцев), епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии; память 2/15 сентября.

[1] Крест на Красном обрыве. М., 1996. С. 108.

[2] ДКНБ РК по г. Алматы. Д. 03832, л. 237.

[3] Там же. Л. 24.

[4] Там же. Д. 011033, л. 45-46.

[5] ДКНБ РК по Южно-Казахстанской обл. Д. 1507, л. 166.

[6] УФСБ России по Республике Коми. Д. КП-10124. л. 129 об.

[7] Там же. Л. 189-190.

[8] Там же. Л. 238.